This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

PG3447
Z37
P7
1908a
f

P53-75
3
6644
31.5.8.33

ПРОЩАЛЬНЫЯ ПѢСНИ

Алексѣя Михайловича

Жемчужникова

(1900—1907 гг.)

Съ приложеніемъ портрета поэта и двухъ его посмертныхъ стихотвореній.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1908

STANFORD LIBRARIES
Digitized by Google

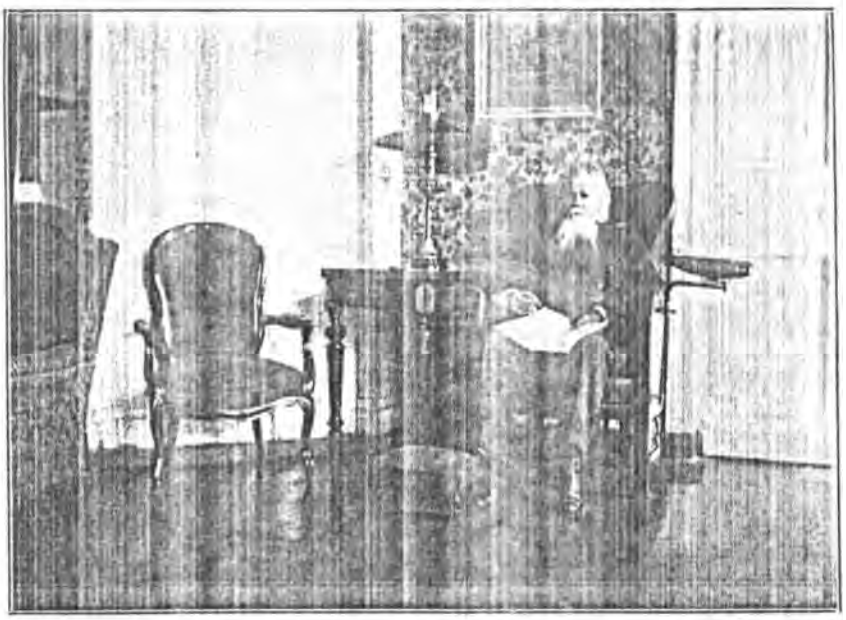
Digitized by Google

8 33
34.5

ПРОЩАЛЬНЫЯ ПѢСНИ

Digitized by Google

Digitized by Google



А. М. Жемчужниковъ

въ своемъ кабинетѣ.

Digitized by Google

Digitized by Google

3811

ВП-92-981/5

А если бы пѣсни мои прозвучали
въ пустынѣ,
Я все же сказалъ бы, имъ честность
въ заслугу вмѣня,
Что̀ сдѣлать я могъ, то я сдѣлалъ,
и съ миромъ ты нынѣ,
О, жизнь, отпускаешь меня.

Прелюдія къ «Прощальнымъ пѣснямъ».

Digitized by Google

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

	стран.
1) Памяти Вл. Серг. Соловьева	1
2) Погибшая Нива	2
3) Еще о старости	4
4) Влеченье къ высотѣ	6
5) Жалко старцу видѣть	8
6) При свѣтѣ вечернемъ	9
7) Желтая муха	11
8) Липы	12
9) Ужъ было такъ давно начало	14
10) Родная природа	15
11) Посланіе къ старикамъ о природѣ	18
12) Звуки старины далекой	24
13) Націоналисту	28
14) Подходитъ вечеръ	33
15) Тѣ ослѣпительные дни	34
16) Не помню	35
17) У выходной двери	36

Digitized by Google

Digitized by Google

СТРАН.

18) Возвращеніе холодовъ 42
19) Раздумье 44
20) Современныя замѣтки: 1) фальшивый вѣрноподданный и 2) Бюрократическая покорность 45
21) «Скерцо» на гражданскіе мотивы. 46
22) Въ наши дни 52
23) Страшный годъ 53
24) Клеветникамъ Россіи 56
25) Изъ-за чего?. 58
26) Сердце старое свободу ждать устало. 59
27) О замыслахъ тайныхъ премьера 60
28) Когда-жъ правительство 61
29) Передъ окномъ. 62
30) На страстной недѣлѣ 64
31) Безъ правъ жилось тебѣ 66
32) Посмертное произведеніе Козьмы Пруткова. . . . 67
33) Современная замѣтка о иномъ Русскомъ Дворянинѣ 71

ПОСМЕРТНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1) Итоги. 72
2) Графу Льву Николаевичу Толстому 74

ПАМЯТИ

Владиміра Сергѣевича Соловьева.

Покорно несъ онъ жизни бремя,
Но не отъ міра былъ сего:
Тотъ высшій міръ манилъ его,
Гдѣ вѣчность заслонила время.

Мыслитель, вдумчивый пѣвецъ,
Благой искатель правды Божьей—
Онъ на землѣ былъ не жилецъ,
А въ даль стремившійся прохожій.

Святымъ восторгомъ окрыленъ,
Онъ шелъ безъ устали и скоро,
И вѣсть пришла, что скрылся онъ
За грань земного кругозора.

Ильиновка. 1900.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОГИБШАЯ НИВА.

Предъ нами красовалась нива...
Какая странная краса!
Колосья, стоя горделиво,
Тянулись кверху, въ небеса.
Влеченья ихъ къ надменнымъ позамъ
Причину я развѣдалъ ту,
Что рожь, ужъ бывшая въ цвѣту,
Побита утреннимъ морозомъ.
Вотъ и разгадка—почему
Кичливый колосъ такъ упоренъ
Въ стремленьи въ высь. Увы! Ему
Поникнуть нечѣмъ. Онъ—безъ зёренъ.
И мнѣ представилось тогда
Умовъ и душъ людская нива,
Когда надъ ней стряслась бѣда.

Она, какъ эта,—молчалива...
Ей громко воля не дана
Свои оплакивать утраты...
Высоко въ эти времена
Пустыя головы подъяты.

1900. Ильиновка.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЕЩЕ О СТАРОСТИ.

Какъ часто жизнь любовью манитъ
И шепчетъ мнѣ: ты мой пока;
И юной ласкою туманитъ
Пытливый разумъ старика!

О, какъ я суетно и праздно
Влачу сочтенные мнѣ дни,
Среди манящаго соблазна
И стерегущей западни!

А между тѣмъ едва-ль не чудо,—
Когда вся жизнь ужъ позади,—
Что сердце ветхое покуда
Еще работаетъ въ груди.

Приди же, время покаянья;
Приди, досугъ для долгихъ думъ;
И не мѣшай, житейскій шумъ,
Мнѣ погружаться въ созерцанья!

Петербургъ. 1901.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВЛЕЧЕНЬЕ КЪ ВЫСОТѢ.

Въ старости глубокой, дрязги и заботы
Угнетаютъ душу, какъ темница тѣсная...
Ей потребенъ выходъ изъ низинъ въ высоты;
Ужъ ее чаруетъ будущность безвѣстная.

Чѣмъ ко смерти ближе, тѣмъ душа невольно
Чаще изъ темницы на свободу просится,
И земная дума, прочь отъ жизни дольной,
Къ голосамъ призывнымъ далеко уносится,

Такъ въ обширномъ храмѣ, въ часъ богослуженья
Передъ образами съ золотыми ризами,
Въ знойномъ и струистомъ блескѣ освѣщенья,
Вьется дымъ кадильный облаками сизыми.

Онъ пойдетъ по церкви, дальше, повсемѣстно;
Посѣтитъ привѣтно всю толпу народную,
Но ему, средь люда, словно станетъ тѣсно
И полетъ онъ править въ высоту свободную.

Тихо онъ обходитъ куполъ на просторѣ;
Тамъ со стѣнъ взираютъ лики-мыслители;
И призывъ загробный видится въ ихъ взорѣ—
Отъ земной юдоли въ горнія обители.

Петербургъ. 1901.

Digitized by Google

Digitized by Google

* * *

Жалко старцу видѣть, какъ толпа людская,
Случая слѣпого и страстей игралище,
Гонится за счастьемъ, силы напрягая,
Словно призовые кони на ристалищѣ.

Самъ въ душѣ онъ чуетъ строй необычайный:
Будто бы загробный зовъ порою слышится;
Будто бы тяжелый занавѣсъ предъ тайной,
Хоть еще не поднятъ, но уже колышется.

И о всемъ житейскомъ мысля не тревожно,
Не стыдясь ошибки, не гордясь побѣдою,—
Онъ лишь полонъ думой: „О, какъ было-бъ можно
„Воспріять мнѣ вѣрой то, чего не вѣдаю!“

1901. Петербургъ.

ПРИ СВѢТѢ ВЕЧЕРНЕМЪ.

— 3 —

Какъ на землю вѣстникъ ночи
Сходитъ тихій свѣтъ вечерній,
И потомъ, съ прощальной лаской,
Онъ ее на сонъ грядущій,
Уходя, благословляетъ,—
Такъ желалъ бы я предъ смертью,
Мирной думой успокоенъ,
Оглянуть духовнымъ взоромъ
Долгой жизни путь пройденный
И проститься съ нимъ любовно.

Помню дѣтство, помню юность
И всѣ жизни переходы
Черезъ мужественный возрастъ
Вплоть до старости глубокой,

Digitized by Google

Digitized by Google

Впечатлительной душою
Какъ любилъ я жизнь земную!
Какъ предъ ней бывалъ я веселъ
И порой какъ плакалъ горько!
Если-бъ жизнь уму и сердцу
Ничего не даровала
Кромѣ слезъ и кромѣ смѣха,—
И тогда-бъ воскликнуть можно:
Стòитъ жить на этомъ свѣтѣ!
А меня она, благая,
Награждала свыше мѣры...
Не богатствомъ, не почетомъ
И не тѣмъ показнымъ блескомъ,
Что вѣковъ сѣдая мудрость
Называетъ суетою;
Нѣтъ, она мнѣ указала
Въ сферахъ духа непрерывный
Наслажденія источникъ;
И я радости земныя
Изъ него обильно черпалъ....

Петербургъ. 1901.

ЖЕЛТАЯ МУХА.

Въ рощѣ сижу я и радуюсь лѣтнему зною,
Желтая муха влетѣла въ полоску луча
И, неподвижная, словно виситъ предо мною,
Только прозрачными крыльями чуть трепеща.

Вотъ она въ сторону кинулась быстро, но снова
Тòтчасъ вернулась на прежнее мѣсто свое.
Я понималъ, что въ полоскѣ луча золотого
Воздухъ струею горячею нѣжилъ ее.

Такъ повторивъ наслажденіе раза четыре,
Муха внезапно пропала въ тѣни безъ слѣда...
Ахъ, хорошо мнѣ живется еще въ этомъ мірѣ,
Но изъ него я исчезну—Богъ знаетъ куда!

Ильиновка. 1901.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛИПЫ.

Нѣтъ мнѣ сегодня пріюта милѣе,
Какъ этихъ липъ благовонныхъ пріютъ!
Всею нарядной семьею въ аллеѣ
Липы цвѣтутъ.

Пчелы слетѣлись; ихъ рой благодарный
Въ улья богатую дань унесетъ.
Будетъ и намъ ароматный, янтарный,
Липовый медъ.

Слѣдуя людямъ старинnаго вѣку,
Въ предохраненье зимою отъ бѣдъ
Можно бы въ сельскую всыпать аптеку
Липовый цвѣтъ.

Добрыя липы, конечно, полезны;
Я же въ нихъ больше цѣню красоту,
И особливо мнѣ лѣтомъ любезны
Липы въ цвѣту.

Ежели скоро умру я, неужто
Лѣтомъ друзья обо мнѣ не вздохнутъ:
„Жалко, что нѣтъ его здѣсь, потому что
„Липы цвѣтутъ?“

Ильиновка. 1901.

Digitized by Google

Digitized by Google

* * *

Ужъ было такъ давно начало,
Что для конца пришла пора...
Мгновеній больше миновало,
Чѣмъ листьевъ осень бы умчала,
Бушуя до ночи съ утра.

И вотъ, въ игрѣ лучей и тѣни,
Теперь мелькаетъ предъ умомъ
Черёдъ отрадъ и огорченій,—
Вся эта цѣпь живыхъ мгновеній
Между [illegible]началомъ и концомъ.

И[illegible]ка. 1901.

РОДНАЯ ПРИРОДА.

(Посвящается Ольгѣ Алексѣевнѣ Боратынской).

О, городъ лжи; о, городъ сплетенъ,
Гдѣ разумъ, совѣсть заглушивъ,
Ко благамъ нашимъ беззаботенъ,
И намъ во вредъ трудолюбивъ;
Гдѣ для утробы вдóволь пищи,
Но не довольно для ума;
О, ты—веселое кладбище!
О, ты—красивая тюрьма!
Давно мнѣ воли было надо;
Просторный нуженъ былъ мнѣ видъ,—
И вотъ ужъ стѣнъ твоихъ громада
Ни думъ, ни взора не тѣснитъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

О, лѣса шумъ; о, шорохъ нивы;
О, жизнью вѣющій покой!
Съ меня мгновенно, какъ рукой,
Сняла деревня гнетъ тоскливый.
Какъ лѣтъ ужъ нѣсколько назадъ,
Опять, среди родной природы,
Въ глубоко-старческіе годы
Я жизнь люблю, я жизни радъ.
Опять ищу уединенья
Въ глубокомъ, миломъ мнѣ лѣсу.
Куда обдумывать несу
Дней пережитыхъ впечатлѣнья.
Сперва заросшую межу
Пройду всю вдоль, между овсами,
И въ лѣсъ усталыми шагами,
Но съ духомъ бодрымъ я вхожу.
Здѣсь, въ тишинѣ его глубокой,
Людскихъ помѣхъ я не боюсь;
Теперь свободный, одинокій,
Я созерцаю и молюсь.
Какъ счастливъ я моей свободой
На этомъ пнѣ, въ лѣсной тѣни,
Когда бесѣдъ моихъ съ природой
Дубы—свидѣтели одни!
Мнѣ стихъ становится потребенъ,

Чтобъ ей воздать хвалу мою,
И я слагаю и пою
Ей благодарственный молебенъ.

Ильиновка, 1901.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОСЛАНІЕ КЪ СТАРИКАМЪ О ПРИРОДѢ.

Пишу для тѣхъ поэму эту,
Кто до преклонныхъ дожилъ лѣтъ
И, вѣренъ юности обѣту,
Свободныхъ думъ хранилъ завѣтъ.
Изъ строя выбыло ужъ много
Борцовъ гражданственной борьбы,
И одного они лишь Бога
Теперь усопшіе рабы.
А изъ живыхъ, готовый скоро
Въ могилу лечь, иной старикъ
Измѣной памятникъ позора
Себѣ сознательно воздвигъ.
Пускай-молъ вѣдаютъ потомки,
Что могутъ быть и старики,
Ходячимъ мнѣньямъ вопреки,

То гибки нравственно, то ломки.
Ахъ, не одинъ изъ насъ погибъ!
И долго мы еще могли-бъ
Вести бесѣду въ этомъ родѣ,—
Но мнѣ пора ужъ о природѣ.

Всегда природу я любилъ;
Да и она меня любила.
Наглядна мнѣ, средь прочихъ силъ,
Въ ней притягательная сила.
И мнится: въ душу я проникъ
Ея явленій, ихъ языкъ
Своеобразный понимая.
Метелей буйный бредъ и вой,
И грохотъ грозъ, и тишь нѣмая,
И слезы осени больной,
И молодыя ласки мая—
Все перечувствовано мной.
Съ возникновенія вселенной
Нашъ духъ мѣняли времена;
Но красотою совершенной
Была земля одарена
И пребываетъ неизмѣнной,
Все на землѣ и все надъ ней,
Чѣмъ семьянинъ плѣнялся древній,

Digitized by Google

Digitized by Google

Не устарѣвъ до нашихъ дней,
Плѣняетъ жителя деревни,
Узоръ древеснаго листа,
Пахучесть розы и сирени,
Воздушной радуги цвѣта,
Полудня блескъ, ночныя тѣни
Живутъ въ вѣкахъ безъ измѣненій.
Лѣса, и нивы, и луга
Являютъ намъ картину ту же,
Не лучше древней и не хуже,
И звуки тѣ же. Берега
Волна ласкаетъ тѣмъ же плескомъ;
Не измѣняетъ соловей
Живой мелодіи своей.
И межъ собой бесѣду трескомъ
Ведутъ и въ наши дни такимъ,
Какъ въ дни Гомеровы, цикады,
Упоминаемыя имъ
Въ одной изъ пѣсенъ Иліады...
Природа родины моей,
Издавна бывшая мнѣ другомъ,
Теперь, когда, на склонѣ дней,
Томлюсь я старости недугомъ,
Еще мнѣ ближе и милѣй.
Вѣдь я не буду въ тягость ей,

Хотя бы, я больной и хилый,
Шаги замедлилъ предъ могилой.
Живыя тѣни старины
Лишь людямъ въ тягость поневолѣ,
Но, неиграющему роли,
И мнѣ ужъ люди не нужны,
А люди новые—тѣмъ болѣ!

Да! Подъ конецъ минувшій вѣкъ
Суть жизни всю перепачилъ,
И современный человѣкъ,
Какъ чудо, старцевъ озадачилъ;
Онъ прежде мѣрою ума
Явленья жизни строго мѣрилъ;
Но шутникамъ теперь повѣрилъ,
Что хочетъ родина сама,
Чтобы въ умахъ царила тьма.
И вотъ, ужъ нѣтъ подъема духа
И нѣтъ гражданственныхъ началъ...
Какъ скуденъ умъ! Какъ сердце сухо!
Какъ современникъ измельчалъ!
Межъ тѣмъ въ немъ гордости не меньше,
Чѣмъ въ Ницшеанскомъ Uebermensch'ѣ.
И я предпочитаю дубъ
Временъ теперешнихъ герою.

Digitized by Google

Digitized by Google

Онъ—дерево; но онъ не глупъ;
Въ немъ сердцевина подъ корою.
Прожить бы мнѣ остатокъ дней
Подальше отъ такихъ людей!
Они въ родимомъ пейзажѣ
Какъ будто близки черезчуръ.
О, если бъ онъ былъ вовсе даже
Безъ человѣческихъ фигуръ!
Безъ нихъ пріятнѣе въ отчизнѣ,
Къ тому жъ, толпясь предъ сценой жизни,
Все тотъ же видимъ мы сумбуръ.
Вѣдь мы скучали бы, не такъ ли,—
Когда бы въ оперномъ спектаклѣ
Намъ распѣвали каждый день
Средь живописныхъ декорацій,
Но монотонно, безъ варьяцій,
Одну и ту же дребедень?

О, никогда еще какъ нынѣ
Мірской мнѣ не былъ труденъ гнетъ!
И зовъ таинственный влечетъ
Меня, усталаго, къ пустынѣ.
Какъ хорошо, какъ тихо тамъ!
Теперь бы время, старцы-братья,
Уйти отъ узъ, несносныхъ намъ,

Въ ея широкія объятья.
Друзей отечественной тьмы
Не слышно будетъ и не видно.
А, предъ уходомъ нашимъ, мы
Имъ на прощанье скажемъ: „стыдно!“
О, старцы! Смерть уже близка.
Уйдемъ, уйдемъ еще пока
Намъ не поются панихиды—
Въ затишьи новой Ѳиваиды.

Ильиновка—Тамбовъ. 1904.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЗВУКИ СТАРИНЫ ДАЛЕКОЙ.

Зимой мнѣ были молчаливы
Явленья жизни; я вѣдь глухъ;
Но музыкальные мотивы
Ласкали мой духовный слухъ.

Сижу, бывало, одинокій,
Въ невозмутимой тишинѣ,
А звуки старины далекой
Былое воскрешаютъ мнѣ.

Все болѣ отрочества годы
Мнѣ шлютъ радушный свой привѣтъ.
Я ужъ тогда былъ другъ природы,
Уже тогда я былъ поэтъ.

„Въ аллеѣ липъ, въ аллеѣ вишенъ
Весеннимъ днемъ гуляю я;
Мнѣ птичій гамъ отвсюду слышенъ;
Я свѣтелъ, добръ; мой духъ возвышенъ;
Я полонъ счастьемъ бытія.

„Я убѣжденъ, что мошки, пчелы
Такимъ же счастіемъ полны,
И всѣ слагаютъ гимнъ веселый
Во славу жизни и весны.

„Я увлеченъ пѣтушьимъ крикомъ;
И объяснилъ мнѣ чуткій слухъ,
Что̀, въ удовольствіи великомъ,
Повѣдать силится пѣтухъ:

„Какъ хорошо! кричитъ онъ, славя
Природу щедрую за все;
И юный сынъ его, картавя,
Кричитъ за нимъ: какъ холясё!
„Сижу я въ классной. Не пускаютъ
Меня гулять въ ненастный день;
Но звуки скоро развлекаютъ
Мою задумчивую лѣнь.

„То чтенье слышится: красиво
Звучитъ Онѣгина строфа;

Digitized by Google

Digitized by Google

То мать поетъ иль *Casta diva,*
Иль *Una voce poco fa.*

„Въ столовой—всенощной служенье.
Открыты окна настежъ въ садъ;
И дымъ кадильнаго куренья
Цвѣтамъ струитъ свой ароматъ.

„Сталъ уставать я понемногу,
И сталъ разсѣянъ, но потомъ,
При пѣньи: Слава въ вышнихъ Богу!
Души я чувствую подъемъ.

„И въ то же время изъ-за сада
Я слышу топотъ, ржанье, рёвъ
Домой вернувшагося стада
Овецъ, коней, телятъ, коровъ.

„Сперва всѣ взрослые смутились;
Но далъ примѣръ священникъ самъ,
Чтобы погромче возносились
Молитвы клира къ небесамъ.

„Весь трудъ однако былъ напрасенъ;
И стадо заглушить не могъ
Ни дьяконъ басомъ громогласнымъ,
Ни звонкимъ тѣноромъ дьячекъ.

„А мнѣ пріятно выси съ доломъ
Такой нечаянный союзъ;
И я, въ волненіи веселомъ,
Еще усерднѣе молюсь...“

Такъ, звуки старины далекой
Былое воскрешали мнѣ,
Когда мечталъ я, одинокій,
Въ невозмутимой тишинѣ.

Тамбовъ. 1893.

Digitized by Google

Digitized by Google

НАЦІОНАЛИСТУ.

I.

Народность гражданамъ мила не безъ причинъ;
Тебѣ же собственно въ ней то милѣй, что старѣй,
Ты какъ же старину взлюбилъ: какъ гражданинъ,
Иль антикварій?

Ты ищешь лучшаго. Нетрудно также мнѣ
Признать, что времена теперешнія—плохи;
Но надобно мнѣ знать: ты манишь къ старинѣ
Какой эпохи?

У насъ запасъ грѣховъ не малый позади.
Что если въ часъ лихой мы вновь сдружимся мигомъ
Иль съ правомъ крѣпостнымъ, или—того гляди—
Съ татарскимъ игомъ!

Ты, говорятъ, призналъ, что стало тяжело
Цивилизаціи намъ западное бремя,
И въ просвѣщенности излишней видишь зло...
Нашелъ же время!

Невѣжествомъ толпы мы хлещемъ черезъ край;
Да и повыше-то чуть брезжитъ свѣтъ науки;
А въ сферахъ нравственныхъ хоть снова начинай
Съ аза́ и съ буки.

Мы рядимъ пустоту въ объемистую ложь,
Чтобъ охранить застой отъ натиска прогресса.
Такъ хлѣбный торговѣцъ кладетъ въ дрянную рожь
Песокъ для вѣса.

Не дашь ты радостей въ воскресшей старинѣ!
А радость вѣдь и намъ нужна, я полагаю;
Несемъ безплодныя мы жертвы лишь однѣ
Родному краю.

Въ отечествѣ тоской случалось изнывать,
Прося разлуки съ нимъ какъ съ затхлою темницей:
„Здоровымъ воздухомъ дозвольте подышать
Намъ за границей!“

По мнѣнію другихъ, ты мыслью задался
Патріархальныя усилить въ насъ начала

Digitized by Google

Digitized by Google

Затѣмъ, что будто бы бѣда въ Россіи вся
Отъ либераловъ.

Ахъ, либералы! вы теперь обречены
Судьбой суровой быть козлами отпущенья.
Я—также либералъ; но въ чемъ мои вины?
Въ чемъ прегрѣшенья?

Ужели-жъ мнѣ нельзя, на самомъ склонѣ дней,
Предъ нашей стариной и прихвастнуть немножко,
Что я ужъ не холопъ, зовусь, молъ, Алексѣй,
А не Алешка?

Ужель врагомъ властей могу считаться я
И скромное мое писательство—опасно,
Лишь только потому, что къ нимъ любовь моя
Не сладострастна?

Ужель погоревать не смѣемъ о судьбѣ,
Обрекшей насъ на то, чтобъ вѣчнымъ быть ребенкомъ,
Которому принять заботу о себѣ
Не по силёнкамъ.

Зачѣмъ вотще искать таинственную нить
Влеченья къ новизнамъ и къ западнымъ затѣямъ?

По части правъ, хоть то намъ какъ бы сохранить,
Что̀ ужъ имѣемъ.

Мнѣ страшенъ смыслъ твоихъ мечтаній. Намъ опять
Зажить по старому окажется нетрудно,
Простимся съ мыслями; заснемъ и будемъ спать,
Спать непробудно.

И, средь безмолвія, мы будемъ видѣть сны...
Не только мудрый строй мы водворимъ въ отчизнѣ,
Но будутъ нами всѣ въ бреду разрѣшены
Проблемы жизни...

II.

Свободомысліе—почетъ моихъ сѣдинъ;
Мой опытъ юныя устоpонилъ химеры,
И явно я блюду, Россіи гражданинъ,
Мой символъ вѣры.

Есть свойства русскія—краса для всѣхъ временъ.
Я ихъ цѣню умомъ, душою, зрѣньемъ, слухомъ.
При нихъ и старины я русскою плѣненъ,
И русскимъ духомъ.

Но духъ достоинства средь насъ и нынѣ слабъ.
Издавна вскормленный успѣхомъ лжи и лести,

Digitized by Google

Digitized by Google

Нерѣдко и въ другихъ не цѣнитъ старый рабъ
Гражданской чести.

Намъ прочный нуженъ миръ; и въ наши времена
Залогъ спокойствія—законная свобода;
И въ грозовые дни разумность ей дана
Громоотвода.

По поводу твоихъ стремленій къ старинѣ
Вотъ грустныхъ и смѣшныхъ дѣяній нашихъ
повѣсть.
Въ ней выразился я, какъ подсказали мнѣ
И честь, и совѣсть.

Тамбовъ. 1903.

* * *

Подходитъ вечеръ. Стынетъ зной.
Деревьямъ, шепчущимъ такъ нѣжно
Привѣтъ моей душѣ больной,
Я говорю: „Въ тиши ночной—“
„И вы усните безмятежно!“

Грачамъ въ вечернюю зарю,
Летя, кричащимъ что есть мочи:
„Прощай! прощай“!—я говорю:
„Я слышу васъ. Благодарю!
„И вамъ, грачи, спокойной ночи!“

Ульяновка. 1903.

Digitized by Google

Digitized by Google

* * *

Тѣ ослѣпительные дни
При блёсткахъ въ воздухѣ горячемъ,
Когда мы тщательно въ тѣни
Свой сельскій бытъ отъ зноя прячемъ;

И на безоблачный закатъ
Глядимъ съ мольбой въ усталомъ взорѣ:
Ужели насъ не освѣжатъ
Хотя бы утреннія зори!

Тѣ дни прошли; и мнѣ ихъ жаль.
Былое стало сердцу мило.
Темна мнѣ будущности даль...
Хоть ты бы, осень, не спѣшила!

Ильиновка. 1903.

НЕ ПОМНЮ.

Шли цѣпью длинною года...
Мнѣ цѣнно все, что въ жизни было:
А между тѣмъ нѣтъ и слѣда
Къ тому, что старость позабыла.

Есть промежутки—точно сонъ.
Хоть память ихъ покой тревожитъ—
Событій, лицъ, рѣчей, именъ
Возстановить уже не можетъ.

Какъ будто снѣгъ занесъ цвѣты,
Иль вещи вынесли изъ дома,
Иль кѣмъ-то вырваны листы
Изъ дорогого мнѣ альбома...

Тамбовъ. 1903.

Digitized by Google

Digitized by Google

У ВЫХОДНОЙ ДВЕРИ.

Посвящается Настасьѣ Алексѣевнѣ Жемчужниковой.

1.

Мнѣ дальше некуда идти:
Живую душу въ бренномъ тѣлѣ
Я по житейскому пути
Донесъ до крайней въ жизни цѣли,
И сталъ у двери выходной
Изъ міра здѣшняго въ иной.

2.

Стою и думаю... И странно!
Чуть слышенъ здѣсь мірской мнѣ шумъ;
Вся жизнь какъ бы въ дали туманной;

А все же къ ней – влеченье думъ;
И не о смерти, а невольно
О жизни думается дольной.

3.

Не знать и здѣсь, что встрѣтитъ насъ,
Когда за дверь мы эту выйдемъ!
Пространства скрытаго отъ глазъ
За горизонтъ вѣдь мы не видимъ;—
Такъ и уму съ иныхъ сторонъ
Опущенъ свыше небосклонъ.

4.

Но духъ изъ той страны незримой
Нисходитъ къ намъ, какъ свѣтъ во тьму;
И онъ, благой, не вѣетъ мимо,
Лишь былъ бы доступъ данъ ему,
Какъ въ думы высшаго подъема,
И въ обиходъ вседневный дома.

5.

Такъ солнце, пламенный очагъ
Тепла и свѣта для вселенной,
Податель мощныхъ силъ и благъ,
Всемірной жизни стражъ безсмѣнный,—

Digitized by Google

Digitized by Google

Оно же шлетъ утѣху мнѣ
Игрою бликовъ на стѣнѣ.

6.

Чтобъ съ духомъ приходить въ общенья
Меня настраиваетъ храмъ.
Какъ хорошо въ часы моленья,
Мнѣ съ юныхъ лѣтъ бывало тамъ!
И не угасъ тотъ пылъ съ годами;
И я молиться буду въ храмѣ—

7.

Покуда пѣвчихъ слышу хоръ,
Колоколовъ внимаю звону,
Пока мой различаетъ взоръ
Христа священную икону,
И служитъ мнѣ предъ ней пока—
Для крестныхъ знаменій рука.

8.

Сухія рѣчи—сердцу нѣмы:
Но полны думъ и полны слезъ
Богослужебныя поэмы
Во дни, когда страдалъ Христосъ;

И сердце чуткое не глухо
Къ живымъ рѣчамъ живого духа.

9.

Въ мечтахъ теперь все чаще Онъ
Мнѣ видится въ вѣнцѣ терновомъ
И въ багряницу облеченъ;
И размышляю я надъ словомъ,
Которое тогда изрекъ
Толпѣ Пилатъ: „Се человѣкъ".

10.

Средь смертныхъ съ смертными не схожій,
Парящій духомъ къ небесамъ,
Сынъ человѣческій, Сынъ Божій,—
Такъ называлъ себя Онъ самъ,
Когда Онъ въ міръ изъ Назарета
Несъ свѣточъ Новаго Завѣта.

11.

И съ той поры любовь легла
Въ основѣ нравственнаго зданья
И обуздала силу зла
Духовной силой состраданья...
О, внемли старцу, молодежь!
„Внѣ духа жизнь есть зло и ложь.

Digitized by Google

Digitized by Google

12.

„Не ограждайся гранью тѣсной;
„Огней духовныхъ не туши;
„Свободомысліе—совмѣстно
„Съ религіозностью души.
„Блюди же зорко, чтобъ въ отчизнѣ
„Не гасъ духовный пламень жизни!“

13.

Мой край родимый! онъ себя
Вознаградитъ за всю потерю...
Но, предъ разлукой съ нимъ, скорбя
И повторяя:—Вѣрю! вѣрю!
Порой я шлю мольбу ему
Помочь невѣрью моему.

14.

И вотъ, межъ тѣмъ какъ чередою
Проходятъ дни, я, въ тишинѣ,
Одну бесѣду за другою
Веду съ собой наединѣ;
И мой досугъ такъ будетъ занятъ,
Доколь мнѣ силъ на это станетъ.

15.

Къ разлукѣ съ тѣломъ не готовъ,
Я все жилецъ земли покуда.
Молчитъ еще за дверью зовъ,
Пока не выкликнутъ оттуда
Мнѣ внятно очередь мою,—
Я здѣсь, въ раздумьѣ, постою.

Тамбовъ. 1904.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВОЗВРАЩЕНІЕ ХОЛОДОВЪ.

Опять погода стужей дышетъ;
Зато на окнахъ, сквозь лучи,
Морозъ опять узоры пишетъ
Своей серебряной парчи.

Хотя природою отсроченъ,
Казалось близкій, ледоходъ —
Но нѣтъ причинъ пенять мнѣ очень
На мерзлый снѣгъ, на прочный ледъ.

Меня пріятно грѣютъ печи;
И хоть старикъ, но не больной,
Безъ нетерпѣнья жду я встрѣчи
Съ еще далекою весной.

На солнцѣ, въ комнатахъ не чахнутъ
Азалій нѣжные цвѣты,
И гіацинты сильно пахнутъ,
Какъ словно кудри завиты.

Когда бы сердце не щемило
Отъ этихъ ужасовъ войны,
Какъ бытіе мнѣ было-бъ мило
Безъ всякихъ прелестей весны.

О, бытіе!.. Мнѣ въ немъ отрада.
И сознаю я, и дивлюсь,
Какъ человѣку мало надо,
Покуда чутокъ жизни вкусъ.

Тамбовъ. 1904.

Digitized by Google

Digitized by Google

РАЗДУМЬЕ.

Всю жизнь отъ юности и вплоть
До самой старости преклонной,
Въ борьбѣ подчасъ ожесточённой
Межъ силъ плотской и отвлеченной—
Не могъ въ концѣ я побороть
Ни плотью духъ, ни духомъ плоть.
Какъ мнѣ для мысли обликъ нуженъ,
Такъ мысль подъ формой мнѣ нужна;
Мой умъ съ веселымъ смѣхомъ друженъ,
И грусть душѣ моей родна.
То грёзой, какъ во снѣ утѣшенъ,
То строго мысля на яву,
Не потому ли я живу,
Что я еще уравновѣшенъ?

Ильиновка—Тамбовъ. 1904.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

1.

Фальшивый вѣрноподданный.

Онъ слово „подданный“ постигъ со всѣхъ сторонъ,
Но вовсе пренебрегъ къ нему приставкой: „вѣрно“;
И ложнымъ прозвищемъ украшенъ, служитъ онъ
Царю и родинѣ съ охотою, но скверно.

Тамбовъ. 1905.

2.

Бюрократическая покорность.

Своей покорностью они въ глаза намъ тычутъ;
А въ милость царскую случись врагамъ ихъ впасть—
Небось умѣло ограничутъ
Неограниченную власть.

Тамбовъ. 1905.

Digitized by Google

Digitized by Google

„СКЕРЦО".

На гражданскіе мотивы.

—•—

Все въ бѣдной отизнѣ
Преступно, иль глупо!
Всѣ вѣянья жизни—
Какъ запахи трупа!

Считаютъ потребнымъ
Сдавать—не впервые,—
Машинамъ служебнымъ
Вопросы живые!

Тѣ,—рады, не рады,—
Съ улыбкой безвѣрья,
Но, чая награды,
Берутся за перья,

Не видятъ, не слышатъ,
Но, полны отваги,
Все пишутъ, все пишутъ
Бумаги, бумаги.

И въ пыльной ихъ грудѣ
Сгниваютъ вопросы,
Какъ въ грязной посудѣ
Гнилые отбросы...

Хоть мы—патріоты,
Но фактъ не случаенъ,
Что наши заботы
Всѣ—ради окраинъ.

Мы тамъ какъ бы въ родѣ
Собаки на сѣнѣ:
Чуть рѣчь о свободѣ—
Кричимъ объ измѣнѣ.

Ни духа не надо,
Ни внѣшняго глянца!
Отсюда досада
У насъ на финляндца.

Коль вправду не манитъ
Къ измѣнѣ Европа,

Digitized by Google

Digitized by Google

Пусть честно молъ станетъ
Въ условья холопа!

Ходъ вольнаго роста
Собранія сеймa—
Для насъ это просто
Позорныя клейма!

Хоть приняты мѣры—
Все было бъ исправно,
Однако же вѣры
Не всѣ православной.

Поляковъ и полекъ
Насъ бѣситъ привычка:
Онъ вѣчно католикъ,
Она—католичка.

Отъ Крыма до Колы,
Сославшись на Бога,
Мы наши расколы
Преслѣдуемъ строго.

Средь нравственной суши—
Ни чувства, ни мысли;
А честныя души
Разрыхли, раскисли.

Я знаю—есть лица,
Душа въ нихъ живая;
Но что̀ единицы
Для цѣлаго края!

Мнѣ скажутъ: „Что-жъ лиру
Ты держишь подъ мышкой?!
Ну, гаркни сатиру
Съ гражданственной вспышкой!“

Сатира, сатира—
Великое дѣло!
Но сильныхъ бы міра
Моя не задѣла.

Такая ужъ доля
Указана русскимъ!
Велитъ мнѣ неволя
Быть мелкимъ и узкимъ.

Съ убогимъ багажемъ,
Съ притупленнымъ жаломъ,
Хоть былъ бы я,—скажемъ—
Самимъ Ювеналомъ.

Въ пылу вдохновенья
Попробуй-ка, ухни—

Digitized by Google

Digitized by Google

Сейчасъ на съѣденье
Въ цензурныя кухни!

Иль трудъ нашъ (быть можетъ,
Одобривъ учтиво)
Бартеневъ положитъ
Въ портфели „Архива".

Тамъ сысковъ цензурныхъ
Отравы кто не пилъ,
Хранится какъ въ урнахъ
Покойниковъ пепелъ.

Вотъ будущность въ мукахъ
Рождаемымъ пѣснямъ!
А впрочемъ, при внукахъ,
Быть можетъ, воскреснемъ.

При томъ же, признаться,
Сатирики жалки
Въ странахъ, гдѣ боятся
Не слова, а палки.

При всей бы охотѣ—
Не вызвать стихами
Ни думъ въ идіотѣ,
Ни доблести въ хамѣ!

Быть можетъ, понятье
У васъ не такое;
Но все-жъ меня, братья,
Оставьте въ покоѣ.

На рабскіе нравы,
На срамъ публициста,
На тѣхъ, кто неправы,
На то, что не чисто,

Въ лѣтахъ уже хилыхъ,
Съ душою усталой,
Я гаркнуть не въ силахъ;
А плюнуть—пожалуй!

Вотъ—вмѣсто сатиры
Дарю вамъ отъ сердца
Въ созвучіяхъ лиры
Шумливое скерцо.

Петербургъ. 1895.—Тамбовъ. 1905.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВЪ НАШИ ДНИ.

Опять извѣстій ниоткуда;
Просвѣта нѣтъ средь нашей тьмы...
И сердце чуетъ близость худа,
Какого не знавали мы.

Не видя смысла смуты дольной,
Мы взоръ возводимъ къ небесамъ—
И вспоминается невольно:
„Мнѣ отомщенье; Азъ воздамъ,“

Тамбовъ. 1905.

СТРАШНЫЙ ГОДЪ.

Съ довѣрьемъ я глядѣлъ на поворотъ судьбы,
Который намъ сулилъ людей свободныхъ долю;
И грезилъ я, что мы, недавніе рабы,
На вѣки вѣчные отпущены на волю.

Вотъ мы ужъ граждане. Вотъ сердцемъ и умомъ
Равно и рабской лжи, и мести рабской чужды,
Мы, въ Думѣ рѣчь держа свободнымъ языкомъ,
Врачуемъ родины страданія и нужды.

О, грезы праздныя! О, тщетныя мечты!
Къ свободѣ рвемся мы, но путь къ ней намъ
невѣдомъ.
Мы выступили въ ночь, средь грозной темноты,
И бродимъ безъ огней, объяты буйнымъ бредомъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Пожары, грабежи, кровь льется какъ вода,
Засады, западни, подвохи и обманы...
Мы, озвѣрѣвшіе, стихаемъ лишь тогда,
Какъ водкою родной и кровью братской пьяны.

Потомъ опять вражда нещадная встаетъ,
Какъ будто разрѣшить поставила свобода
Задачу: кто кого насильемъ изведетъ
Во имя новыхъ правъ и счастія народа.

Какъ прежде, духъ вождей и нынѣ нетерпимъ,
Ихъ властный нравъ грозитъ мышленью гражданина.
Но гражданинъ рабомъ не хочетъ быть ничьимъ:
Свободы не добыть, мѣняя господина.

Борьба есть жизни смыслъ, когда ведется бой
Духовной силою и разума, и слова;
А родина моя, забитая судьбой,
Мятется вся въ крови; но мыслить не готова.

Въ безмысліи, во лжи, въ безправной темнотѣ
Ее жестокая воспитывала школа;
Свободу мнѣнія признать не въ силахъ тѣ,
Чей разумъ развращенъ заразой произвола.

Свобода!.. А давно-ль съ упорствомъ большинство
Ея чуждалося своей душой казенной?
Давно-ль мы думали: не нужно ничего,
Что нарушало бы затишье жизни сонной?

Нѣтъ; не далекія то были времена,
И мы предъ совѣстью должны сознаться сами,
Скорбя и со стыдомъ, что еслибъ не война—
Мы были-бъ и теперь живыми мертвецами.

Великъ и тяжекъ нашъ предъ родиной грѣхъ.
Верховный Судія, пристрастно недоступный!
Свой правый гнѣвъ смягчи! Прости, помилуй всѣхъ,
Всѣ, съ верху до низу, виновны; всѣ преступны.

Тамбовъ. 1905.

Digitized by Google

Digitized by Google

КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ.

Надежда съ высоты престола намъ дана,
Что мы награждены свободой полной будемъ;
Но „люди русскіе" нашли, что русскимъ людямъ
Она въ обѣщанномъ объемѣ не нужна.
И вотъ они, трудясь усердно надъ задачей,
Какъ надо понимать намъ данныя права,
То изворотливо, какъ ябедникъ подъячій,
Толкуютъ ясныя слова;
То, смѣло пользуясь не рыцарской сноровкой,
Они стараются—такой пріемъ не новъ—
Въ находчивой игрѣ увертливости ловкой
Искусству подражать канатныхъ плясуновъ.
Межъ тѣмъ, какъ свойственно всему людскому роду
Желать смягченія житейскихъ нуждъ и бѣдъ,
Стремиться къ радостямъ, любить и чтить свободу—

Ужель у русскаго такихъ влеченій нѣтъ?
Ужель Творецъ рѣшилъ: „будь нравственный калѣка,
„Несхожій съ прочими по сердцу и уму?"
И только русскаго Онъ создалъ человѣка
Не по подобью своему?
Вѣдь, если русскому такой бы выпалъ жребій
И русская душа была бы такъ пуста—
Мы были-бъ на землѣ отребьемъ всѣхъ отребій...
Нѣтъ! вами взведена на братьевъ клевета!
Издавна пытый сынъ я русскаго народа;
И, противленія не вѣдая добру,
Когда дается намъ гражданская свобода,
Ее я съ радостью великою беру!

Тамбовъ. 1906.

Digitized by Google

Digitized by Google

ИЗЪ ЗА ЧЕГО?

Не вѣрится, чтобы изъ чести лишь одной
На рабство обрекли вы снова край родной;
(Иного смысла нѣтъ къ прошедшему возврата!)
А коль изъ выгоды—ума какая трата,
Чтобъ съ возгласомъ: впередъ!—путь обернуть
назадъ!
Вотъ черносотенцы, тѣ просто говорятъ:
„Мы русское ура во всю орали глотку,
„Молились, пѣли гимнъ... Пожалуйте на водку".

Тамбовъ. 1906.

* * *

Сердце старое свободу ждать устало;
Умъ безсмыслицу разгадывать усталъ;
Позабыться бы душа моя желала;
Кой о чемъ бы я охотно помечталъ...
Но намъ выходы къ отрадамъ всѣ закрыты;
Всюду злобная дѣйствительность грозитъ;
Ею радости на родинѣ убиты,
Духъ довѣрія предательски убитъ.

Тамбовъ 1906.

Digitized by Google

Digitized by Google

* * *

О замыслахъ тайныхъ премьера нежданно всѣмъ
стало извѣстно;
Въ игрѣ недоконченной—карты раскрылъ господинъ Булацель.
Онъ важную тайну повѣдалъ; но было бы знать интересно:
Зачѣмъ онъ на это рѣшился? Какая его была цѣль?

Тамбовъ. 1906.

* * *

Когда-жъ правительство въ умахъ разсѣетъ тьму,
И вѣрить наконецъ оно къ чему присудитъ?
О новомъ строѣ Царь рѣшилъ:—быть по сему!
А черносотенцы рѣшили: нѣтъ, не будетъ.

Тамбовъ. 1906.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПЕРЕДЪ ОКНОМЪ.

Солнцемъ мартовскимъ пригрѣтый, таетъ
Старый снѣгъ, укрывшій мерзлый долъ,
А надъ нимъ снѣжокъ опять порхаетъ—
Это внукъ за дѣдушкой пришелъ.

Безморознымъ днемъ, теперь ужъ длиннымъ,
У панели ширится ручей;
Въ городѣ, по улицамъ пустыннымъ,
Видѣли гуляющихъ грачей.

Съ горъ потоки побѣгутъ къ оврагамъ;
Оголятся талыя поля;
Но съ весной, грядущей быстрымъ шагомъ,
Пріодѣта встрѣтится земля.

Нѣжнаго цвѣтенія растеній
Чудная настанетъ череда;
Ландыша, черемухи, сирени
Понесутся запахи тогда.

До такого праздника природы,
Только мнѣ дожить бы довелось!
Насладиться и въ мои бы годы
Можно вдоволь... Доживу авось.

20-го марта 1907 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

НА СТРАСТНОЙ НЕДѢЛѢ.

Намъ, русскимъ, не родны законность и свобода;
Мы попирали ихъ, предъ родиной грѣша:
Но мы незлобивы; у русскаго народа
Не черствая душа.

Онъ набоженъ; его духовный міръ не тѣсенъ;
Лишь волю разума сковала рабства цѣпь;
Но въ чувствахъ воленъ онъ, и ширь народныхъ пѣсенъ
Напоминаетъ степь.

На рядъ родныхъ картинъ его похожа дума—
На Волгу-матушку, на тихій, синій Донъ;
На жуткую тоску лѣсного въ бурю шума;
На мирный храма звонъ.

О, русскій человѣкъ! ты не былъ безучастнымъ
Къ людскимъ страданіямъ; ты мести не зналъ
И, милосердья полнъ, преступнаго несчастнымъ
Печально называлъ.

Такимъ ты мнѣ знакомъ по пѣснямъ, по былинамъ;
Такимъ въ твоемъ быту тебя я знать привыкъ...
Зачѣмъ же исказилъ ты образомъ звѣринымъ
Свой человѣчный ликъ?

Покайся въ дни страстей. Съ молящимся собратомъ
Во храмъ войди и ты, грабитель и палачъ.
Христосъ тебя проститъ; а ты, предъ Нимъ распятымъ
Повергнись и заплачь.

26-го апрѣля 1907.

Digitized by Google

Digitized by Google

* * *

Безъ правъ жилось тебѣ, о, родина моя!
И безотраденъ видъ твоей гражданской нивы.
Свершала ты одни обряды бытія
Вдали всего, чѣмъ люди живы.

Свободы духъ, тебѣ который свыше данъ,
Забитъ невѣжествомъ, отравленъ лестью низкой;
И этотъ русскій духъ—наслѣдіе славянъ—
Погибъ въ татарщинѣ россійской.

Грозой твой прерванъ сонъ. Вся мерзости полна,
Врасплохъ очнулась ты отъ долгой лжи и срама;
И вскрылась истина. Встревожена до дна,
Дохнула выгребная яма.

30-го декабря 1906—29 августа 1907.

ПОСМЕРТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА.

(Записана на спиритическомъ засѣданіи.)

Спиритъ мнѣ держитъ рѣчь подъ гробовую крышу:
„Мудрецъ и патріотъ! пришла чреда твоя;
„Наставь и помоги! Прутковъ! Ты слышишь?„
Слышу

Я!

Перомъ я ревностно служилъ родному краю,
Когда на свѣтѣ жилъ. И кажется давно-ль?!
И вотъ, мертвецъ, я вновь въ его судьбахъ играю
Роль.

Digitized by Google

Digitized by Google

Я власти былъ слуга: но страхомъ не смущенный,
Изъ тѣхъ, которые не клонятъ гибкихъ спинъ:
И гордо я носилъ звѣзду и заслуженный
Чинъ.

Я, старый монархистъ, на новыхъ негодую.
Скомпрометируютъ они—весьма боюсь—
И власть верховную и вмѣстѣ съ ней святую
Русь.

Торжественный обѣтъ родилъ въ странѣ надежду
И съ одобреніемъ былъ встрѣченъ міромъ всѣмъ,
А исполненія его не видно между
Тѣмъ.

Ужъ черносотенцы къ такой готовятъ сдѣлкѣ:
Когда на званый пиръ сберется сонмъ гостей—
Ихъ чинно размѣстить и дать имъ по тарелкѣ
Щей.

И роль правительства по мнѣ не безопасна;
Есть что-то d'inachevé. Нѣтъ! Надо власть беречь,
Чтобъ не была ея съ поступкомъ не согласна
Рѣчь.

Я, вѣрноподданный, такъ думаю объ этомъ:
Разъ властію самой надежда подана—
Пускай же просьба: дай!—вѣнчается отвѣтомъ:
На!

Я главное сказалъ; но, изъ любви къ отчизнѣ,
Охотно мысли тѣ еще я преподамъ,
Которымъ тщательно я слѣдовалъ при жизни
Самъ.

Правитель! Дни твои пусть праздно не проходятъ;
Хоть камушки бросай, коль есть на то досугъ;
Но наблюдай: въ водѣ какой они разводятъ
Кругъ?

Правитель! Избѣгай ходить по косогору.
Скользя, иль упадешь, иль стопчешь сапоги;
И въ путь не выступай, коль нѣтъ въ ночную пору
Зги.

Давъ отдохнуть игрѣ служебнаго фонтана,
За мнѣніемъ страны попристальнѣй слѣди,
И, чтобы жертвою не стать самообмана,
Бди!

Digitized by Google

Digitized by Google

Припомню истину, которая поможетъ
Моимъ соотчичамъ въ оплошность не попасть:
Что необъятное обнять сама не можетъ
Власть.

Ученіе мое мнѣ кажется такое,
Что средь борьбы и смутъ инымъ помочь могло-бъ...
Для всѣхъ же вѣрное убѣжище покоя—
Гробъ.

11-го октября 1907.

СОВРЕМЕННАЯ ЗАМѢТКА О ИНОМЪ РУССКОМЪ ДВОРЯНИНѢ.

Какой онъ *дворянинъ*?! Въ немъ нѣтъ ни складки
свѣтской,
Ни чести родовой, ни гордости гербомъ...
Онъ средь политиковъ—услужливый *дворецкій*;
А средь ораторовъ онъ—*дворникъ* подъ хмелькомъ.

22-го декабря 1907.

Digitized by Google

Digitized by Google

ИТОГИ.

Гость (входя).

Вы заняты?

Я.

Слегка—работой кой-какою.
Присядьте.

Гость.

Посижу, когда не безпокою.

Я.

Теперь, къ какому-бъ я ни приступалъ труду,
Боюсь, что до конца его не доведу.
Жду смерти каждый день сознательно и просто:
Съ прибавкой лишь трехъ лѣтъ—мнѣ было-бъ девяносто!

Людской живучести я рѣдкій образецъ,
Но мнѣ попрековъ нѣтъ: „Пора бы, наконецъ!“
Напротивъ; снисходя къ моимъ преклоннымъ лѣтамъ,
Маститымъ чествуютъ меня давно поэтомъ.
А между тѣмъ, вѣдь я, почти Мафусаилъ,
Того, что сдѣлать могъ, живя, не совершилъ...

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛЬВУ НИКОЛАЕВИЧУ ТОЛСТОМУ.

Твой разумъ—зеркало. Безмѣрное оно,
Склоненное къ землѣ—природу отражаетъ:
И ширь, и глубь, и высь, и травку, и зерно...
Весь бытъ земной оно въ себѣ переживаетъ.

Работа зеркала безъ устали идетъ.
Оно глядитъ въ міры—духовный и тѣлесный;
И повѣствуетъ намъ всей жизни пестрый ходъ,
То съ мудрой строгостью, то съ нѣжностью прелестной.

Въ немъ отразился міръ съ подробностями весь:
Ему препоны нѣтъ ни сумрака, ни дали;
И видны *тамъ* черты, которыхъ люди *здѣсь*,
Въ духовной слѣпотѣ, пока не замѣчали.
Но люди есть еще (и между ними—я),

Чьи убѣжденія сложились иначе;
Иные чтутъ красы земного бытія;
Насущны для другихъ политики задачи...

Но все же ты для насъ—свѣтильникъ на горѣ.
О, продолжай учить, на старости прекрасной,
О царствѣ Божіемъ, о мирѣ, о добрѣ!
Тебѣ все вѣдомо, осмыслено и ясно.

Туманно лишь одно прозрѣнью твоему:
Все сущее твой умъ и познаетъ, и судитъ;
Но грань воздвигнута и генію!.. Ему
Все вѣдомо, что̀ есть; но тѣмно то, что̀ будетъ.

5 марта 1908 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

4230/52

Digitized by Google

Stanford University Libraries
3 6105 005 121 913

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004

Digitized by Google

Digitized by Google